Polis. Political Studies. 2014. No 5. Pp. 68-89.

DOI: 10.17976/jpps/2014.05.06

КРИЗИС УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ, ЦЕННОСТНЫЙ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В.В. Лапкин, В.И. Пантин

ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru; **ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав. отделом ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Отдела анализа социально-политических процессов ИС РАН.** Для связи с автором: v.pantin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 26.06.2014. Принята к печати: 14.07.2014

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00184а "Влияние внутриполитических процессов в России и Украине на российско-украинскую интеграцию: анализ и прогноз")

Аннотация. В статье обсуждается комплекс проблем политико-правового, социокультурного и геополитического характера, инициированных политическим кризисом на Украине. Авторы анализируют исторические и социально-политические предпосылки, а также глобальный контекст украинского кризиса. В свете этого кризиса рассматриваются перспективы геополитической и геоэкономической реконфигурации постсоветского пространства. Особое внимание авторы уделяют проблемам национальной консолидации украинского государства, дисфункциям демократического процесса на Украине, эффективности ее демократических политических институтов, трансформациям конституционно-правового строя и политического режима. В круг проблем, подвергаемых авторами политическому анализу, включены также риски государственной несостоятельности и возможной дезинтеграции Украины, перспектива переучреждения государства как один из возможных вариантов выхода из кризиса, деструктивные практики постреволюционного периода, усиление роли неформальных институтов в украинской политике. Анализируется возрастающий и качественно усугубляющийся раскол украинского общества, что во многом является следствием политики нациестроительства, проводимой в рамках этнонациональной модели и опирающейся на мобилизационные ресурсы ксенофобии. Представлен сравнительный анализ украинского и российского казусов постсоветской трансформации политических систем, рассматриваются альтернативные варианты взаимодействия олигархии, бюрократии и политического персонализма в этих странах, а также обусловленные этим взаимодействием перспективы консолидации их политических систем.

Ключевые слова: Украина, Россия, Европейский союз, интеграция, политическая система, внутриполитическое развитие, политические кризисы, политические элиты, Евромайдан, легитимность, геополитика, олигархия.

Истоки, предпосылки и глобальный контекст украинского кризиса

Существо украинского (формально, а фактически – уже глобального) кризиса российские коллеги-политологи оценивают по-разному, порою диаметрально противоположным образом. И тут вряд ли все можно свести к их возможной ангажированности. Так, Г. Голосов причину усматривает в "фатальной ошибке" российской власти, запустившей сценарий, достойный "фильма ужасов". Аргументы, приводимые им, формально корректные и соответствующие основам политической теории, но – односторонние. Логика

его традиционна: российский режим авторитарный, а потому агрессивный. Но за ошибки придется расплачиваться. Одностороннюю позицию, не воспринимающую аргументацию оппонентов, априори относящую ее к "заблуждениям, вряд ли простительным даже студенту какого-нибудь провинциального факультета международных отношений" [Голосов 2014], поколебать сложно, почти невозможно. Историю, безусловно, творили исключительно двоечники... И тут скорее уместна ирония по поводу суждений тех, кому заранее известна истина. Так и поступает другой наш коллега, Б. Межуев, комментируя позицию властей США: "Обама силен, конечно. Надо провести расследование и узнать, кто сбил самолет, сбитый украинскими сепаратистами..." [Межуев 2014]. Но оставим в стороне иронию и оторвем взор от учебников. И попробуем осмыслить происходящее в его полноте и сложности.

* * *

Кризис, который переживает Украина с конца 2013 г., стал своеобразным эпицентром политико-правового, геополитического, геоэкономического и даже ценностного противостояния не только на постсоветском пространстве, но и в рамках Большой Европы и даже – в глобальном мире. Более того, этот кризис выявил и сделал необычайно актуальными многие проблемы всеобщего характера. Среди этих проблем особо следует отметить растущую неустойчивость миропорядка и снижающуюся эффективность функционирования международных институтов, падение доверия к ним. Серьезной проблемой становится действенность и непредвзятость международных политико-правовых механизмов регулирования конфликтов, принуждения конфликтующих сторон к диалогу. Сюда же следует отнести стремительное нарастание проблем функционирования институтов демократии не только в странах с переходной политической системой, в постсоветском и других регионах мира, но и в странах с глубокими и давними традициями демократии, включая США и страны Евросоюза (ЕС). Особый комплекс проблем связан с глобальной геополитической перестройкой, запущенной процессами реконфигурации постсоветского пространства, его освоения ключевыми конкурирующими игроками политического рынка: США, ЕС, Китаем, Турцией, Россией. Украинский кризис придал мощное ускорение этим процессам, радикально повысив ставки в большой геополитической и геоэкономической игре.

Процесс, запущенный распадом биполярного мира (в 1991 г.) и формированием униполярной парадигмы мироустройства под водительством США, вступает в критическую фазу. Ибо игра, фактически, идет ва-банк, а на кону стоят, с одной стороны, система глобального доминирования США, а с другой – длящийся уже третье десятилетие процесс интеграции России в мировое рыночное и политико-институциональное сообщество современных государств. Причем инициатором радикального пересмотра, а порою и прямого силового демонтажа принципов консенсусного миропорядка, выступает мировой лидер – США. Особую остроту ситуации придает совокупность тенденций глобальной динамики, обусловленных текущей кризисной фазой глобального развития, фазой "великих потрясений" эволюционных циклов международной политической и экономической системы, которая началась около 2005 г. и продлится почти до конца текущего десятилетия [подробнее см. Пантин, Лапкин 2006: 298-332]. С конца 2013 г. мир вступил в заключительный период этой фазы. Этот период

характеризуется растущей поляризацией интересов ключевых глобальных игроков, накоплением острых противоречий в их взаимоотношениях, формированием новых глобальных расколов и блокового противостояния. Все более востребованными в мировой политике оказываются стратегии бескомпромиссной конфликтности. В итоге последовательно усугубляется кризис "однополярного" миропорядка, размывается (прежде, в 1990-е годы, казавшаяся несокрушимой) монополия США на глобальное доминирование.

Параллельно с этим фундаментальным процессом повсеместно происходит размывание и девальвация институтов и принципов национально-территориального государства, его претензий на уважение своего суверенитета со стороны других государств. Практиковавшееся все последние десятилетия последовательное насаждение западных демократических (скорее по форме, чем по содержанию) институтов и норм, сначала в бывшей Югославии, затем на постсоветском пространстве, в Афганистане, Ираке, Египте, Ливии, Сирии, вскоре повсеместно выявило острый конфликт между этими имитационными институциональными формами и ценностными и культурными традициями, присущими большинству населения незападных стран. Соответствующая практика форсированной демократизации провоцировала глубокие социокультурные и ценностные расколы в этих странах, конфликты и вооруженное противостояние с участием сил центрального правительства, а также сепаратистских, этнически или конфессионально консолидированных группировок. Эти конфликты особенно усугублялись в ситуации прямого политического, а тем более военного вмешательства западных стран и, как правило, сопровождались большим количеством человеческих жертв. Нередко при этом происходило крушение государственности, конституционно-правовых норм, культуры, прогрессировала деградация морально-нравственных устоев общества. Прежде устойчивая на протяжении многих лет и даже десятилетий государственность в ходе ускоренной демократизации зачастую переходила в разряд *failed state*[1].

Казалось бы, Украина выделяется из ряда перечисленных выше стран. За постсоветский период по целому ряду формальных признаков она существенно продвинулась по пути упрочения полиархии, строительства современного национального государства. Ей удалось сформировать институт многопартийности, охватывающий большую часть политического спектра, пройти ряд электоральных циклов, сопряженных с основательной ротацией легислатуры. Вместе с тем в этой стране в последнее десятилетие наметился целый ряд глубоких дисфункций демократического процесса.

Камнем преткновения стала проблема национальной консолидации украинского общества. Избранная украинской хозяйственно-политической элитой еще в начале 1990-х годов модель унитарного национального государства (при понимании национального как, фактически, этнически однородного) не просто игнорировала фундаментальную социокультурную неоднородность страны, но по мере своего воплощения становилась главным источником гражданского противостояния, раз за разом раскалывающего страну

[1] Число "несостоявшихся государств" (*failed states*) в последние годы стремительно возрастает. В отечественной политической науке интерес к этому феномену пока что явно недостаточен. Из относительно недавних работ см., например [Ильин, Мелешкина, Мельвиль 2010; Асимметрия мировой системы суверенитета... 2011; Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012]. Среди фундаментальных академических работ по этой теме отметим [Ильин 2008].

в ходе очередного электорального испытания. Дополнительным, но отнюдь не второстепенным фактором поляризации стало фактическое "табуирование" украинскими политическими элитами ряда принципиальных проблем политической жизни страны в качестве обязательного условия доступа к легитимному участию в политическом процессе. Упорно "изгоняя" проблемы "второго государственного языка", "федерализации" и "автономизации" из политической повестки дня, украинские элиты сформировали ставшее инвариантом всех последних общеукраинских выборов разделение страны, имеющее наглядное территориальное отображение – запад и центр Украины против востока и юга. Привычное размежевание украинского общества, имевшее преимущественно языковое и социокультурное отображения, за последнее десятилетие стало отчетливо политизированным, превращаясь в ключевой фактор дестабилизации украинского государства. Возможности, открывающиеся продвижением *политического гражданства*, поверх этнонациональных и культурно-конфессиональных различий, что создавало бы позитивную мотивацию для самоидентификации украинского сообщества как единой гражданской нации, были, как показало последующее развитие событий, необратимо упущены. Поначалу, казалось бы, весьма эффективно адаптируемые, – политические институты демократии в Украине все более выявляли свой "камуфляжный" деструктивно-имитационный, а то и откровенно симуляционный характер[2].

Тем не менее, вплоть до февраля 2014 г. Украине удавалось сохранять устойчивость и преемственность политического строя, нерушимость конституционно-правовых основ формирующейся демократии, необходимые минимальные условия для политического диалога и выработки компромисса. В качестве интегрированной характеристики результатов постсоветской эволюции украинской политической системы к моменту "революционного" низложения президента В. Януковича можно привести суждение Е. Мелешкиной, отмечающей "...относительно скромные успехи в деле государственного строительства" [Мелешкина 2012: 208]. При этом "...разногласия по поводу вопросов идентичности, неконсолидированность режима, наличие существенных разногласий по поводу правил политической игры, 'приватизация' государства экономическими кланами... обусловливают периодические политические кризисы, слабую эффективность системы государственного управления. Государственное строительство на Украине характеризуется нестабильностью конституционных норм, слабой институционализацией властных отношений и значительным влиянием на последние неформальных отношений и личных связей" [там же: 211], а практикующие "приватизацию" государства элиты используют его "в личных целях, в том числе для борьбы с политическими оппонентами..." [там же: 208].

Радикализация Евромайдана при безволии и попустительстве властей, поглощенных заботами о своих личных зарубежных активах и преступно игнори-

[2] Имитация институциональных форм представительной демократии, как хорошо известно, является необходимым элементом стратегии модернизации и демократической трансформации переходных политических систем, выступая, тем самым, вполне конструктивным элементом политического развития. Деструктивный характер она приобретает в ситуации, когда имитация подменяется симуляцией, т.е., согласно М.В. Ильину, когда способ усвоения институтов и практик предполагает воспроизведение желательных результатов без воспроизведения алгоритмов их получения [Ильин 2008: 37].

рующих перспективу развала государственности, допускающих безнаказанное публичное уничтожение и дискредитацию представителей исполнительной власти (одни "коктейли Молотова" в умелых руках "мирных протестующих" чего стоят), стремительно развернула украинский политический процесс в неправовое и антиконституционное поле.

Более того, ключевые фигуры Евромайдана стали в "революционном" Киеве чрезвычайно востребованными политиками, получившими аппарат исполнительной власти государства в свое распоряжение. А логика "революционной целесообразности" стала "правовым камертоном" новой украинской политики. Но ключевым фактором этого политического поворота стала позиция стран и правительств Запада, стремительно освоившего "логику целесообразности" и перешедшего от политики продвижения правового и демократического идеала к "*Realpolitik*". С одобрения Запада Украина (в лице своих элит) усвоила политический инструментарий Майдана в качестве "дополнения" к легитимному инструментарию конституционных институтов демократии, а зачастую и альтернативы им. Майдан уже десять лет как стал своего рода "политическим джокером", позволяющим украинской элите с легкостью и безответственностью перед избирателем преодолевать правовые и институционально-нормативные ограничения. И "если надо", добиваться желаемого политического результата вопреки демократическим процедурам и "утомительному" переговорному процессу. В итоге в феврале 2014 г. олигархический интерес обрел, наконец, адекватную политическую форму для реализации своих безграничных вожделений.

Итак, Евромайдан солидарно и от имени "всей Украины" продемонстрировал приверженность "европейским ценностям" и, пренебрегая всякими конституционными процедурами, "по-большевистски" сверг законно избранного президента ("Украина це Европа"). Безусловно, режим В. Януковича, особенно после бесславного бегства действующего президента из собственной страны, отданной на разграбление "революционному олигархату", был отторгнут большинством населения Украины, включая и Юго-Восток. Но современная политика и в таких ситуациях предусматривает соблюдение правовых процедур. Украинские элиты обошлись без оных. Одни олигархи и одни кланы потеснили другие, более агрессивные и алчные получили возможность осуществить масштабный передел власти и собственности. Страна, чуть помедлив, оказалась втянута в полномасштабную гражданскую войну с элементами геноцида, с применением террора и насилия в отношении собственного мирного населения. Экономическое положение Украины резко ухудшилось и продолжает ухудшаться, стремительно приближаясь к катастрофическому, несмотря на финансовые вливания МВФ, США и ЕС.

Вспомним, как начиналась "арабская весна", как ликовали после свержения режима Мубарака молодые демонстранты в Египте на площади Тахрир (аналог киевского Майдана) и чем все это в итоге закончилось: массовым кровопролитием, контрпереворотом и новым военным режимом, который пришел на смену власти радикальных исламистов. Не станем обольщаться и достижениями очередной украинской революции (коих по сути практически нет), займемся анализом ее реальных дел и последствий.

Развитие политического процесса на Украине в немалой степени определяет судьбы демократии и в России, и в Европе, и в Америке. Киев каждым новым

своим шагом в сфере внутренней политики дискредитирует тех, кто всеми силами старается представить его в качестве примера демократического режима, олицетворяющего порыв украинского народа к лучшему, европейскому будущему. Своей поддержкой и своего рода "индульгенцией", выданной Киеву, Запад инициировал крайне опасную для всего мирового демократического движения игру, которая может, в конечном счете, роковым образом подорвать доверие стран, ставших на путь демократизации, к продвигаемым им образцам и практикам демократии. Украинский казус вносит необратимые коррективы в наши представления о пределах допустимого в современной политике. В рамках новой модели демократического мира свободу слова можно подменять односторонней пропагандой и запретами, преследованием неугодных СМИ и журналистов (это, кстати, вменяется сегодня новым грузинским правительством бывшему президенту М. Саакашвили). Множество жертв среди мирного населения и многие тысячи беженцев в соседнее государство можно не замечать, ограничиваясь риторикой по поводу "происков" и "имперских амбиций" России. Можно безнаказанно следить за своими гражданами и за гражданами всего мира, а право и беспристрастность должны уступать соображениям политической или "революционной" целесообразности, допускающим в качестве новой нормы мирового порядка финансирование и организацию антиконституционных политических переворотов по всему миру, не считаясь с их гуманитарными последствиями. Вопрос лишь в том, имеет ли демократия отношение ко всей этой вакханалии новаций в мировой политике эпохи "великих потрясений"? Или же политика "псевдоуправляемого хаоса" есть воплощение игры по совершенно иным правилам, ожесточенной игры за новый передел мира?

Неизбежность геополитической и геоэкономической реконфигурации постсоветского пространства, на котором реально конфликтуют интересы России, ЕС, США, Китая и ряда других крупных игроков, настоятельно требует выработки новых форматов регулирования межгосударственных противоречий. Без политической воли к достижению компромиссов и осуществлению реального сотрудничества между ведущими государствами или наднациональными образованиями, а также без их соответствующего правового и процедурного оформления многочисленные политические и экономические проблемы постсоветских государств решить невозможно. Прежний формат межгосударственного взаимодействия нуждается в критическом переосмыслении и серьезных коррективах. Именно в рамках прежнего формата при насильственном и одностороннем внедрении прозападных институтов демократии и капитализма многие постсоветские государства вместо подъема и процветания, как это ни парадоксально, постепенно превращаются в "новую периферию" мировой системы [Лапкин, Пантин, Рябов 2014: 185-208], формируя новый очаг мировой нестабильности. Однако Соединенные Штаты, пользующиеся своим положением мирового лидера, не склонны договариваться с кем бы то ни было; тем более они не считают нужным учитывать долговременные интересы, культурные традиции и ценности народов самих постсоветских государств. Их стратегия – смена режимов и необходимая коррекция политического курса периферийных стран с помощью "цветных революций" (в Киргизии, Грузии, Украине), цель которых отнюдь не обеспечение политической и социально-экономической стабильности и процветания этих стран. Скорее речь идет о том, что новый режим должен лучше

вписываться в глобальную структуру американских интересов. Тот факт, что эффективность "цветных революций" крайне низка в сопоставлении с экономическими, политическими и социальными издержками в странах, ставших "инкубатором" революции, большого значения пока не имеет, поскольку слабо сказывается на приоритетах и ресурсных возможностях американской внутренней и внешней политики. Тем не менее, эта их низкая эффективность, ломающая планы мирового лидера, заслуживает более пристального анализа.

В частности, небезынтересны исторические предпосылки текущего украинского кризиса. В истории Украины значительную роль сыграли те трансформации, которые она пережила на протяжении XX века и которые решающим образом отразились в непростой траектории формирования ее государственности. Здесь следует вспомнить и Екатерину II, усилиями Г.А. Потемкина блестяще реализовавшую проект "Новороссия" за счет земель, отторгнутых у Крымского ханства и других прежде подконтрольных Османам территорий. Упомянем и правобережную Украину, доставшуюся России в тот же период по разделам Польши. Под эгидой России земли будущего украинского государства собирались в некое, пусть и неоднородное, целое. Параллельно с этими процессами зарождался и культивировался украинский национализм, который с середины XIX в. приобретает открытый антироссийский характер. Накануне Первой мировой войны Австро-Венгрия всячески пестовала антироссийские настроения в Западной Украине (тогда Галиции). Неудача Советской России в войне с Польшей (1920 г.) не позволила большевикам включить Западную Украину в протогосударственное тело Украинской советской республики. Вместе с тем, по итогам крушения Империи и последующей Гражданской войны за Украиной была окончательно закреплена большая, западная часть Новороссии (вплоть почти до Таганрога, но за исключением Крыма). В том числе в состав Украины вошла Криворожско-Донецкая республика [см. напр. Корнилов 2011], ставшая ключевым индустриальным и в основном русскоязычным анклавом в преимущественно сельской стране, которая в ходе Гражданской войны лишилась большей части прежнего городского русскоязычного населения. Этот регион в составе Украинской ССР вскоре превратился в кузницу партийных и хозяйственных кадров для всего союзного государства, о чем может свидетельствовать хотя бы перечень высших партийных работников постсталинского периода.

Накануне Великой Отечественной войны к Восточной и Центральной Украине была присоединена Западная, со своими особыми ценностными ориентациями, культурой и образом жизни. В период Второй мировой войны нацисты в полной мере использовали антироссийские и антисоветские настроения, преобладавшие в Западной Украине, сформировав на этой основе эффективные карательные подразделения. В 1954 г. Н.С. Хрущев "подарил" Украине Крым, пренебрегая даже формальными процедурами принятия такого серьезнейшего политического решения. И, наконец, в 1991 г. благодаря беловежским соглашениям Украина обрела самостоятельную государственность. Уже этот самый сжатый перечень трансформаций, которые претерпела Украина на протяжении XX в., показывает всю сложность и противоречивость формирования ее общества и государства. При этом возвышение украинского государства оказалось неразрывно связанным с той глубочайшей катастрофой, которую в XX в. пережила Россия в ходе дотоле невиданного коммунистического эксперимента.

Но стремление Украины обрести национальную государственность и действительно дееспособное государство остро конфликтует с негражданским состоянием украинского общества[3], рассеченного на множество дезинтегрированных местнических, локальных культур, языковых и земляческих сообществ, ценностных и ориентационных кластеров. Современное украинское общество, особенно в лице его элит, поражено ксенофобией и страдает острым дефицитом толерантности. В этих условиях, как показывает весь опыт постсоветской истории Украины, консолидация демократии и социально-политическая интеграция украинского общества становятся практически неразрешимой проблемой.

Призрак государственной несостоятельности и перспективы переучреждения украинского государства

С падением Януковича пала многолетняя (созданная еще к середине 1990-х годов) политическая система, позволяющая контролировать электоральный массив Новороссии и русскоязычного населения Украины с помощью политических партий и лидеров, побеждающих при поддержке Востока и Юга Украины, но затем проводящих политику "заигрывания" с западными и центральными регионами. Из раза в раз удавалось формировать властную коалицию, опирающуюся прежде всего на этот политический ресурс, которая выхолащивала всякие попытки политической консолидации русскоязычного электората вокруг сил, ориентированных на последовательную и недвусмысленную кооперацию с Россией. И Кучма, и Янукович равно подавляли стремление русскоязычного населения Украины к политическому самоопределению и федерализации страны. В итоге первому пришлось бесславно сойти с политической сцены, а второму – бежать из страны, так и не сложив с себя президентских полномочий.

Разгром В. Януковича и стоящих за ним политических сил, представляющих по меньшей мере половину украинского электората, – чем бы он ни был мотивирован, – стал жестким вызовом незрелой украинской демократии. По сути, отвергнув лукавую, но позволяющую сохранять общенациональный консенсус политическую систему[4], упразднив дуализм "западного" и "юго-восточного" векторов украинской внутренней политики, украинские элиты перекрыли легальные каналы политического представительства интересов и всего этого гигантского электорального массива, и значительной части русскоязычного сегмента (по меньшей мере, трети) украинского общества. Путь гражданского неповиновения (в радикальном варианте – сепаратизма) стал безальтернативным.

Евромайдан, как своеобразный "врио" высшей революционной власти (что-то вроде "советов" весны-лета 1917 г.), предусмотрел превентивный ответ в жанре политической истерики: сторонники русского языка и федерализации были объявлены чуть ли не врагами народа Украины. Очередная "цветная революция", но уже не оранжевая, а кроваво-багровая, погромная, на наших глазах возродила давно забытые в России эксцессы "революционной целесообразности". Ею оправдывалось все: ложь, беззаконие, кровавые провокации, действие властей без всякой правовой санкции, применение властного насилия "без суда и следствия", похищения и убийства людей, и т.п.

[3] О негражданском обществе в Украине см., например [Неменский 2012: 38].

[4] Ее своеобразным, хотя и заведомо неполным, лишь символическим олицетворением в последние годы был конфликтный симбиоз "Партии регионов" и "Батькивщины".

За несогласными была объявлена настоящая охота, в которой приняли участие не столько правоохранительные органы, сколько "активисты", представляющие наиболее радикально-националистические и ксенофобские страты того самого негражданского общества. Революционная власть, вышедшая за конституционно-правовые рамки, поощряла формирование своего рода "эскадронов смерти" (этих передовых отрядов "украинской демократии"), содействующих, а порой и подменяющих ее официальные исполнительные органы, выполняющих за власть наиболее "грязную работу", действующих за рамками всякого правового поля, наемников, орудующих в собственной стране как на вражеской территории, без пощады к кому бы то ни было.

Полагаем, что аналогия с неконституционным переворотом 1917 г. (принудительным, в обход всех правовых процедур отречением самодержца) не случайна. В обоих случаях следствием стал режим Двоевластия. Наиболее драматическое следствие двоевластия (и тогда, и в ходе нынешнего украинского кризиса) в том, что условно легитимная и формально демократическая власть оказывается под жестким давлением нелегитимных и откровенно неправовых институтов "народовластия", организуемых и управляемых теневыми и неподконтрольными обществу структурами. В 1917 г. это были, соответственно, Временное правительство и Советы. С февраля 2014 г. в Украине это оформилось в симбиотический, но внутренне конфликтный режим, сочетающий "усеченную" и теряющую признаки легитимности Верховную раду и осуществляющий присмотр за ее деятельностью Майдан[5].

Этот особый неформальный институт современной украинской политики в лице его "активистов", организованных в боевые отряды, всегда готовые к насильственным акциям и "правовому беспределу", в частности, неоднократно угрожал Раде прямым захватом с применением, в том числе, и "коктейлей Молотова". Майдан с осени 2013 г. в результате теневого сговора прозападно ориентированных украинских элит и внешних игроков был выведен из-под всякого ограничительного контроля права и правоохранительных органов. В частности, ни одно из многочисленных и вопиющих, под телекамеру, варварских нападений боевиков Майдана на правоохранителей в ходе февральских событий в Киеве так и не было расследовано, более того, не получило сколь-либо внятной правовой оценки новых украинских властей. Напротив, в новой, абсолютно противоправной "революционной" властной конфигурации правоохранительные структуры Украины поставлены под контроль боевиков, а сегодня активно пополняются этими самыми "активистами".

Переход Верховной рады в режим неправового и антиконституционного функционирования был также осуществлен в ходе переворота и фактического разгона большинства, почти по-большевистски, подобно разгону Учредительного собрания в январе 1918 г. Новым "большинством" стало прежнее меньшинство, принудившее значительную часть прежнего большинства к поддержке при голосовании и последовательно изгонявшее активно протестующих. При этом были попраны прежние парламентские процедуры, а новая в целом почти лояльная оппозиция подверглась неприкрытой и беззастенчивой публичной травле.

[5] С момента избрания П. Порошенко ситуация начала меняться не в пользу Майдана, и когда эта статья уже версталась, Майдан (как символическое место обитания альтернативной, "народной" власти) был ликвидирован. Но как идея Майдан, безусловно, сохранился, и наверняка ждет своего часа. При этом "легитимная" власть сохранила в своем штате его кадры, а в своем арсенале – большинство присущих Майдану методов обеспечения "революционного правопорядка".

Иными словами, как и в 1917 г. в Петрограде, в 2014 г. в Украине "революционная целесообразность" и "революционное правосознание" были применены для разрушения прежнего правопорядка и революционного передела национальных ресурсов власти и собственности. И тогда, и ныне острие этой разрушительной активности направлено на слабые и не вполне современные структуры общественной интеграции и демократически-правовой государственности. И тогда, и ныне за спиной наиболее радикальной, говоря прямо, погромной части "революционеров" отчетливо просматриваются внешние игроки, заинтересованные в освоении ресурсов страны, не устоявшей перед соблазнами (искушениями) революции...

Решая вопрос о легитимности новой киевской власти, сформировавшейся в ходе переворота конца февраля 2014 г., следует обратить внимание на то, что единственный видимый источник ее легитимности – внешнеполитическое признание ряда западных стран. В то время как внутри самой Украины рационально-правовая легитимность у этой власти отсутствует[6]. Даже ее революционная легитимность небезупречна, поскольку новая власть продолжает апеллировать к прежним конституционно-правовым нормам, которые сама и разрушила, осуществив захват власти посредством попрания этих норм (силовое отстранение президента вопреки законным конституционным процедурам). Сам характер переворота как способа смены власти требует подкрепления ее переучреждением украинского государства, но цивилизованным путем осуществить это возможно лишь посредством общенационального пакта всех основных политических сил, прежде всего – власти и оппозиции. Нежелание новой киевской власти не только дискутировать с оппозицией, но и просто видеть в ней *политического* оппонента, блокирует путь компромисса и достижения договоренностей о демократическом будущем страны.

Вариант силового переучреждения государства, "революционным" путем или путем "отпадения" сепаратистских регионов, в любом случае развернет вспять прежние тренды пусть и непоследовательной, но – демократизации, и, скорее всего, приведет к распаду государства (по меньшей мере, *de facto*), переведет Украину из разряда государств с ослабленной состоятельностью и дефицитом внутреннего и внешнего суверенитета в состояние полноценного *failed state*.

Власть, черпающая свою легитимность извне, именуется марионеточным режимом. Но такой режим, формирующийся в европейском политическом пространстве XXI в. – нонсенс. По крайней мере, так принято было считать до 2014 г. Украинский кризис и в этом своем качестве становится самым серьезным вызовом глобальной системе международной политики, основанной на взаимном уважении национально-территориальных политий и представительстве различных общественных сил, основных этнических, языковых и конфессиональных меньшинств в законодательных и исполнительных органах власти.

[6] Избрание новым президентом П. Порошенко формально улучшило ситуацию с легитимацией новой власти. Но, во-первых, улучшение коснулось лишь ее президентской ветви. А по новой ("новой-старой") версии конституции, которую директивно вменили стране революционные власти, полномочия президента весьма ограниченны и его избрание никак не легитимирует продолжающую "самостийно" функционировать усеченную Верховную раду, изгоняющую из своих рядов отдельных оппозиционных депутатов и целые фракции. Не легитимирует оно и иные ветви власти (к примеру, "полураспущенный" Конституционный суд). А во-вторых, к процедуре и политическому контексту президентской кампании 2014 г. и самого майского голосования есть многочисленные вопросы и претензии. Если бы не очевидная ангажированность западных наблюдателей, эти выборы вряд ли были бы признаны легитимными.

Утрата киевским режимом не только юридической, но и политической легитимности является главной причиной его перехода (с конца апреля 2014 г.) к абсолютно безответственному поведению. Осуществив захват и удержание власти в нарушение процедуры и в отсутствие общеукраинского согласия, этот режим утратил даже те, обуславливаемые взаимосвязью демократически избираемой власти с обществом, ограничения, которые можно было, при всей условности украинской демократии, обнаружить у режима В. Януковича. У нового режима – в нынешней ситуации гражданской войны *de facto* – нести ответственность перед публичными структурами нет никаких оснований...

Незрелые политические системы не обладают, не владеют и не могут управлять демократическими инструментами политических изменений. И когда изменения оказываются неизбежными, такие системы предпочитают использовать внеконституционные, нелегитимные формы – вроде революции, переворота, путча, заговора. *Конституционный переворот* в этом ряду оказывается весьма удобным средством такой трансформации политической системы, которая позволяет властным элитам (или их части) сохранить свои позиции в новых условиях, купировав "электоральный фактор". Говоря о *необходимости* изменения конституции в условиях незрелой демократической системы, тем более о том, что она *должна* быть изменена, мы вольно или невольно сходим с конституционного пути и переходим на путь произвола и *бескомпромиссности*... На этом пути ключевое значение приобретают конкретные политические акторы и их не менее конкретные интересы. Но дело в том, что, в отличие от времен Великой французской революции, сегодня эти интересы весьма трудно скрыть за завесой той или иной идеологии и революционно-протестной демагогии. Иными словами, даже если конституция и политическая система той или иной страны *нуждается* в изменениях, эти изменения, отвергни страна прежнюю, несовершенную конституцию и прежний незрелый демократический порядок, будут происходить не в направлении ее улучшения и приближения к теоретическому идеалу. Напротив, – в соответствии с конкретными интересами тех, кого на постсоветском пространстве принято называть олигархами, т.е. тех, для которых эта незрелая политическая система демократии является наиболее эффективным средством, позволяющим узурпировать жизненные ресурсы общества в частных интересах собственного обогащения. Постановка в повестку политических изменений вопроса о *необходимости* обновления конституции впереди вопроса о создании основ (институциональных и политико-культурных) эффективного политического представительства дифференцированных общественных интересов программирует перемены (как в конституционно-правовой, так и в режимной и политико-культурной сферах), лишь ухудшающие качество демократии в такой стране. Российский опыт, начиная с февраля 1917 г., а теперь и украинский – тому свидетельство[7]. Причем события февраля 2014 г. в Украине наглядно продемонстрировали, как это может происходить сегодня и какие акторы и ресурсы могут быть задействованы в этом процессе.

Итак, зафиксируем некоторые наиболее проблемные внутриполитические аспекты украинского кризиса. Во-первых, пренебрежение, выказываемое новой

[7] "Революционное" изменение конституции – традиция украинской политики. Схожие процессы, но гораздо более уважительные к процедурному аспекту и политическим оппонентам, имели место в период Оранжевой революции конца 2004 – начала 2005 гг. [см. напр. Лэйн 2010].

украинской властью в течение уже довольно длительного времени по отношению к своим обязанностям поддержания законности и правопорядка, а также конституционно-правовых и процедурных основ государственности, предполагает целенаправленное свертывание строительства современного государства. А во-вторых, не менее важным аспектом кризиса является сознательная подмена идеологами и вождями новой украинской власти целей современного национального строительства, когда модели гражданской и политической нации отбрасываются, и под нацией понимается лишь этническая общность, а политикой национального строительства становится нечто чрезвычайно похожее на нацизм.

Связь национализма с этничностью и порождение наций из этносов – это всегда плод воображения "пассионарных политиков" (стоит напомнить о концепте "воображаемой реальности", по Б. Андерсону). Для возникновения национализма должен быть запущен процесс формирования нации, и все значимые европейские национализмы возникли как проекты социокультурной интеграции и альтернативной самоидентификации в рамках формирующихся национальных государств... Национализм, как и нация, – это всегда политический проект... При этом одна из основных задач нациестроительства как конструирования особого рода "воображаемой реальности" – перевести "отдельные реплики" идеологов и политических лидеров в осмысленный и последовательный дискурс о базовых принципах взаимоотношений общества и государства, о продвижении гражданской парадигмы таких взаимоотношений.

Украинский национализм в постсоветский период стал ключевым, искусно сконструированным, "изобретенным" средством реорганизации и консолидации украинского государства, столкнувшегося с дисфункциями несостоятельности... Но цели формирования гражданской нации не вызывали энтузиазма у украинских постноменклатурных политиков, возможно потому, что напоминали некоторые стороны советских реалий. Более привлекательными им представлялись модели этнонационализма, тем более, что у него был солидный исторический *background* и устойчивая, хотя и относительно небольшая, электоральная поддержка. Но, напомним: "В концепциях *этнического национализма* статус государствообразующей нации присваивается какой-то одной этнической общности (*ethnicity*), тогда как *гражданский национализм* рассматривает в качестве государствообразующей нации все гражданское сообщество (*nationality*) вне зависимости от этнических или иных культурных различий между гражданами. Гражданский национализм, как показали многочисленные примеры формирования государств-наций, способствовал объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения общих политических целей. Этнический же национализм, напротив, раскалывает гражданское общество и опирается на ксенофобию как важнейший источник мобилизации и сплочения своих сторонников" [Паин 2014: 37-38]. На нынешнем этапе постсоветский проект строительства украинской нации являет собою, по-видимому, попытку именно через конфликт и общенациональную социальную и гуманитарную катастрофу обеспечить это чаемое "объединение различных этнических, религиозных и социальных слоев... ради достижения общих политических целей". Однако не ложная ли цель выбрана для такого нациестроительства и не ложными ли методами оно проводится? И не придет ли Украина на этом пути к этническим чисткам, закамуфлированным псевдогражданской риторикой?

Украина в жерновах глобальной трансформации

События на Украине, инициированные в ноябре 2013 – феврале 2014 гг., стали геополитической катастрофой общеевропейского, а в перспективе и мирового масштаба. Растущая "черная дыра" современной политики, образовавшаяся на месте коллапсирующей украинской политии, втягивает внутрь своего "горизонта событий" все новых и новых политических акторов, все новые и новые социальные движения, территории, ресурсы развития. Ее разрастание разрушает планы "стабилизации" и "преодоления кризисных явлений", включая в арсенал текущего глобального кризиса не только факторы экономической и финансовой дестабилизации и геополитических потрясений на периферии современного мира, но и уже напрямую вовлекая в геополитический конфликт ведущих акторов мирового экономического и социально-политического развития.

В условиях распада рационально-правовых оснований государственного единства Украины ключевой интерес киевской власти неизбежно обращен к силовым методам революционного восстановления и воссоединения государства. Исторический опыт прежних ("национально-демократических") революций свидетельствует, что победоносная революционная власть неизбежно прибегает к орудию "революционной (гражданской) войны", в ходе которой ломает сопротивление "новому порядку" со стороны разного рода "диссидентов", как консервативного (*ancient regime*), так и сепаратистского или либерального характера. Но в современном мире такой путь революционных войн, силой навязывающих несогласным порядки и нормы победителей, представляется недопустимым (по крайней мере, представлялся таковым до недавнего времени). Иными словами, с позиции современного цивилизованного мирового порядка варианту революционной войны должен быть противопоставлен вариант политического компромисса.

В условиях социокультурного, и уже не только идентификационного, но и политического, ментального раскола украинского общества – если предположить гипотетическую возможность несилового, невоенного возрождения украинской государственности – этот путь лежит через формирование активно поддерживаемых гражданами-резидентами региональных режимов, вплоть до уровня отдельных крупных городов и городских агломераций. А затем, на этой основе, – раунд переговоров и поиск компромиссов между этими режимами, выработка устраивающей всех протоконституционной основы будущей возрожденной государственности. И далее – формирование новых единых процедур общеукраинского политического представительства и новых конституционно-правовых оснований политического режима Украины.

Однако развитию этого сценария препятствуют вполне объективные обстоятельства. Украина, движимая своей двусмысленной и непоследовательной политикой последнего десятилетия, попала в геополитические жернова между Россией и Западом[8]. Запад (ЕС и США), отгораживаясь от России новым санитарным кордоном, полагает, что это будет способствовать "краху режима". Но в реальности это лишь подталкивает Россию к Китаю. При этом новый

[8] России, в свою очередь, в ближайшем будущем грозит схожая участь – попасть в жернова между Западом и Китаем. Ее шанс избежать этого в том, чтобы успеть резко активизировать свои способности и ресурсы "умной политики" (*smart politics*), опираясь на ясное понимание своих национальных интересов.

раунд вынужденного экономического и технологического сближения России и Китая вряд ли позволит решить стратегические проблемы России (важнейшая из которых – качественная модернизация страны), но несомненно будет способствовать превращению Китая в страну, готовую к полномасштабному противостоянию Западу, обладающую сырьевой, технологической, инновационной, а значит и политической автономией (подобную СССР начала 1960-х годов).

Вместе с тем, главная причина (во многом общая и для Украины, и для России), по которой эти страны попали в ловушку "геополитических жерновов", является олигархический характер их политики. В основе постсоветской олигархии как способа правления в рамках режима имитационной демократии лежат два базовых условия. Первое, сохранение и укрепление монопольного контроля над ресурсами власти и собственности, обеспеченное номенклатурно-теневой приватизацией 1990-х годов (особо подчеркнем, что именно колоссальный объем доставшихся приватизаторам ресурсов в двух этих мощнейших республиках СССР стал залогом такой эволюции, ее длительности и устойчивого воспроизводства при изменении политического режима). И второе, на этой основе монопольного контроля над жизненными ресурсами общества – слияние политического и экономического интереса постсоветских элит в единый олигархический интерес.

Устойчивость возникшей конструкции придает "властный треугольник" – *постсоветская олигархия, бюрократия, персонализм*. Политика *олигархии* – коммерциализация и отчуждение под свой частный контроль всех мало-мальски ликвидных общественных ресурсов. Политический *персонализм* призван ввести безграничные вожделения олигархии в рамки государственного интереса, оградить общество, остающееся за рамками господствующей коалиции, от полного разорения. Для этого он культивирует *бюрократические* механизмы дисциплинирования олигархии. Но вскоре интересы бюрократии и олигархии смыкаются, что создает для персонализма особые трудности, толкающие его либо на путь диктатуры, отказа от имитационных форм демократии, либо на путь вовлечения бюрократии в коммерцию и передачи ей контроля над существенной частью ресурсных потоков, поощрения ее обогащения.

Базовое различие украинского и российского случаев обусловлено тем, что в России на рубеже тысячелетий персоналистский вектор развития, возможность чего была заложена еще в конституции 1993 г., стал как определяющим ее политическую траекторию, так и организующим ее олигархию. На Украине ресурсы персонализма оказались недостаточны для формирования устойчивого во времени и воспроизводящего себя при очередном электоральном испытании режима дисциплинирования олигархии. Более того, эти ресурсы стали желанной добычей в ожесточенном олигархическом противоборстве. Вместо того, чтобы служить делу дисциплинирования и консолидации персоналистско-олигархического режима, они стали средством его дестабилизации и подрыва. Первый опыт продвижения персонализма на Украине (Л. Кучма) завершился Оранжевой революцией, второй (В. Ющенко) расколол "оранжевых" и лишил украинского лидера каких-либо рычагов противодействия олигархической политике дестабилизации национального развития. Третий (В. Янукович) стал попыткой одного из олигархов "освоить" ресурсы персонализма для усиления своих позиций в ряду крупнейших украинских олигар-

хов (именно это вызвало столь мощное единение всех прочих политических субъектов Украины против этого лидера). Персонализм стал орудием олигархической политики и тем самым – обозначил свой крах в качестве механизма системного ограничения олигархического интереса и своего рода завершение постсоветского этапа политической эволюции Украины.

Однако олигархия на Украине осталась и, более того, активно продвигает свои интересы и своих ставленников в новых условиях "национальной антиолигархической революции"[9]. В чем же заключается ключевая проблема эволюции политической системы Украины, что мешает ее последовательной демократизации? Хорошо известно, что преодоление олигархической ловушки предполагает длительный, но последовательный, поэтапный переход к современной *полиархии*. Условием полиархии является политический мир (компромисс и утверждение незыблемости конституционного правления) между основными держателями политических и экономических ресурсов, когда ни один из них не в состоянии навязать другим свой интерес и свой порядок. В. Янукович методом "от противного" показал всем трагические издержки таких попыток. Однако на постсоветском пространстве до настоящего времени нет позитивного примера такого "пакта олигархов", открывающего дорогу к полиархии.

Тому есть множество причин. С позиции самой правящей (и в сфере политики, и в сфере экономики) олигархии такое движение было бы абсолютно немотивированным. Ни привычные методы достижения экономического успеха (распил, откат, наезд и пр.), ни постсоветская политическая культура (см. об относительности "дураков" и "начальников") не располагают к поиску компромиссов и норм, которые следует соблюдать хотя бы ввиду ответственности перед обществом. В условиях хозяйственной и политической монополии такой ответственности попросту нет, а любую проблему можно "решить" в обход всех писаных норм.

Тем не менее, в истории, разумеется, есть немало примеров успешного перехода от олигархии к полиархии. Но все они, и прежде всего классический английский, обнаруживают важность факторов временной (и условной) внешнеполитической изоляции, а также временного (ситуативного) ослабления олигархов (самодостаточных "баронов"). Если второму условию современные кризисные обстоятельства отчасти благоприятствуют, то о внешнеполитической изоляции (даже временной и условной) в современном мире говорить не приходится. В результате олигархические режимы начинают эволюционировать в совершенно ином направлении. Ключевой фактор перемен здесь – превращение олигархов (на основе смычки, переплетения, вплоть до поглощения олигархического бизнеса более серьезными и ресурсно обеспеченными партнерами, представляющими финансовые структуры Запада) в инструмент внутренней политики страны, проводимой внешними игроками, нерезидентами. Именно эти внешние игроки хотели бы унаследовать у "местной" олигархии возможности монопольного политического

[9] Парадоксально, но по итогам первого полугодия 2014 г. украинских событий отнюдь не Евромайдан, а, напротив, "сепаратистское" движение Юго-Востока олицетворяет собою антиолигархическую революцию, столь пугающую не только украинские, но и российские элиты, которые не могут скрыть своего двойственного, порою явно неприязненного отношения к последовательным лидерам этого движения, к продвигаемому и насаждаемому (или, по крайней мере, декларируемому) ими социальному порядку.

и финансово-экономического контроля постсоветских государств. В России эта возможность с наибольшей ясностью проявилась в деятельности олигархов конца 1990-х годов (Б. Березовского, В. Гусинского и пр.). Тем не менее, этот процесс был тогда в своих наиболее одиозных проявлениях заблокирован. Финальной точкой, обозначившей поворот в сторону от такой политики, стал отказ от сделки с *British Petroleum*, продвигаемой М. Ходорковским. На Украине в последние годы этот процесс превращения олигархического режима в режим внешнего управления шел полным ходом, и новый импульс ему дан нынешними "революционными событиями". Из трех возможностей эволюции олигархии: демократизации, персоналистского дисциплинирования, внешнего управления, – Украина последовательно отказалась от первых двух. Реализация третьего сегодня оказывается почти неизбежной.

Почему почти? Еще раз вернемся к первой, демократической альтернативе. Власть олигархии держится на сохранении ее монопольного контроля над политическими и экономическими ресурсами общества. Защита этой власти требует отстранения и постоянного ограничения доступа общества и отдельных групп граждан, не входящих в олигархические структуры, к этим ресурсам. Преодоление этого ограничения и расширение прав свободного доступа (термин Дугласа Норта и соавторов) связано, прежде всего, с улучшением политического и хозяйственного климата в стране. В частности, подъем экономики, благоприятная конъюнктура на рынках всегда способствуют развитию мелкого и среднего бизнеса, обретению его широкими слоями дополнительных ресурсов в борьбе за свои юридические и политические права. В нынешних кризисных условиях на мировых рынках подъем экономики возможен лишь в государственно-мобилизационном режиме и ведет, как правило, к перераспределению национального дохода в пользу немногочисленной олигархическо-бюрократической страты. На Украине последний шанс пойти по пути деградации олигархического режима был упущен в 2004 г. В результате "оранжевой революции" экономический рост, наблюдавшийся до того, был катастрофически прерван, а тренд подъема предпринимательского среднего класса сменился стагнацией. В настоящих условиях, как показывает ход событий последних месяцев (ноябрь 2013 – июль 2014 гг.), средний класс Украины не способен стать политической силой, консолидирующей требования порядка и законности, важнейшие с точки зрения его стратегических интересов.

Проблема в том, что средний класс и революция *несовместимы*. Средний класс может возникнуть после того как революция утвердит "новый порядок", но, как правило, это случается лишь по итогам "термидорианского переворота", венчающего революционный период (или новой, теперь уже "славной революции", реставрирующей прежде повергнутые "незыблемые ценности"). Отметим, что, по мнению большинства исследователей российской истории XX в., "термидорианского переворота" здесь не произошло, у революционного периода не было необходимого завершения. И поскольку советский революционный строй так и не удалось последовательно и бескомпромиссно преобразовать в соответствии с современными представлениями о порядке и законности (в силу почти очевидных и неустранимых объективных причин, обусловленных фактором времени и колоссальных социальных трансформаций), средний класс на постсоветском пространстве так и не смог самореализоваться в качестве доминирующего субъекта экономики и политики.

Иными словами, постсоветское общество лишено средств эффективного противостояния политике олигархии, даже если дело идет к утверждению режима "внешнего управления". Этому обществу, до тех пор, пока оно не окажется в благоприятных условиях и не сформирует массовый средний класс в качестве субъекта, продвигающего его политические и экономические интересы, требуется "внешнее управление". Таковое возможно, как показывает российский (в широком историческом смысле) опыт, либо в форме прямого управления путем иностранных советников и марионеточного режима, либо как условно "внешнее" – за счет особой властной страты ("властной корпорации"), выделенной из общества и стоящей над ним, над всеми нормами и законами, по которым принуждено жить общество. Такая корпорация и призвана генерировать все эти нормы, законы и процедуры, упорядочивающие жизнь такого общества. Столь высокая цена, которую платит общество, получая закон и порядок своего существования, обусловлена тем, что общество вновь и вновь демонстрирует, в лице собственных элит и социально активных слоев, неспособность к самостоятельной выработке компромиссных институтов социального общежития и столь же компромиссных процедур оценки их эффективности и их изменения. Украина, ведомая олигархами и прикормленными "национал-радикалами", с опережением прочих постсоветских государств (быть может, лишь за исключением Грузии) и без всякой осторожности двинулась по пути социально-политической деградации. Для того, чтобы будущее России было не столь беспощадным к ее гражданам, требуется внимательно и вдумчиво осмыслить украинский опыт и предельно глубоко проанализировать альтернативные возможности политической и социальной эволюции, еще сохраняющиеся у России.

Геополитические перспективы реконфигурации постсоветского пространства

Современная ситуация, в которой оказалась Россия в связи с украинскими событиями, чрезвычайно сложна, а ставки – запредельно высоки, поскольку высока решимость Запада отстоять свое право на глобальное доминирование и властное дисциплинирование всех прочих, незападных стран. Более того, сам возможный компромисс России и Запада весьма "условен" и ограничен фундаментальной конфликтностью их геоэкономических установок. Суть функциональной ловушки, в которой сегодня оказалась Россия, обусловлена феноменом "застойного лидерства" США, о чем шла речь в начале данной статьи. Запад ожидает от России поведения, аналогичного германскому в 1920-х – первой половине 1940-х. Более того, он стремится навязать ей принудительно соответствующую модель поведения, спровоцировать или всячески подтолкнуть ее к сходу на пресловутый "веймарский сценарий развития", на худой конец, методами "информационных войн" навязать глобальному сообществу такую форму интерпретации любого российского ответа на провокации Запада. Россия же должна практически доказать свою эффективность в деле упорядочения и хозяйственного обустройства постсоветского пространства в интересах стабильного глобального развития, доказать универсальную ценность собственной "особости". В частности, в ближайшей перспективе ей необходимо найти способ продемонстрировать Западу угрозу, которая исходит в отношении него со стороны дестабилизирующих европейский порядок

"революционных" украинских элит. А также – способность России эту угрозу, при необходимости, купировать. В нынешней игре на повышение, когда ставки чрезвычайно высоки, России необходимо быть предельно осмотрительной и мудрой, не поддающейся на провокации...

Шанс России заключается в том, что в рамках современной международной экономической и политической системы существуют серьезные интересы, альтернативные интересам глобального лидера. Появление в ее рамках новых субъектов развития, их принципиальная чужеродность Западу и, главное, неспособность Запада обеспечить ни необходимые этой системе ресурсы развития, ни трансляцию лидерства, что открывало бы новые перспективы реструктуризации миропорядка, – все это в совокупности ставит в повестку дня императив такого "расхождения" интересов. Связав себя неразрывными узами с системой американской гегемонии, Запад обнаружил предел своему эволюционному потенциалу. Критическим стал сбой, произошедший в конце 1980-х годов, когда претензии Японии на роль нового лидера, опирающегося на стремительно развивающуюся "тихоокеанскую экономику", были жестко разбиты целенаправленной экономической политикой США, использовавших новейшие технологии мирового монопольного финансового господства. В результате интересы финансовой гегемонии США и интересы эволюционного развития международной экономической и политической системы стали медленно, но неуклонно расходиться.

Текущий кризис лишь усилил эти процессы, придал им характер острого и явного конфликта экономических интересов США и интересов новых индустриальных стран. Вместе с тем, он способствовал более тесной и осмысленной кооперации этих стран, а также более ясному осознанию глубины и фундаментальности этого конфликта. Существо проблемы в том, что, поскольку трансляция лидерства заблокирована, а значит, существенно затруднена и деятельность ведущих субъектов глобального накопления в целом, Запад будет "стоять до конца", будет тянуть "в никуда" всю мировую экономику. Реформ мирового экономического порядка, о которых заговорили, было, в начале кризиса, в 2008-2009 гг., от него ожидать не приходится. Эти реформы в том или ином виде могут быть инициированы только новыми лидерами мировой экономики. Но без участия Запада качество и эффективность этих реформ будут явно неадекватными стоящим перед глобальным миром задачам. Собственно, эта парадоксальная ситуация существования мировой системы *de facto* без реального, полноценного центра-лидера, причем в ситуации системной оспариваемости лидерства и самой его парадигмы, скорее всего и будет составлять содержание весьма продолжительного периода мирового развития после преодоления проблем текущей глобальной стагнации, т.е. после 2017-2020 гг.

Но, возвращаясь к текущей ситуации, обусловленной украинским кризисом, приходится признать, что ресурсы Запада плюс его решимость осуществить в собственных интересах радикальную реконфигурацию всего постсоветского пространства, оттеснив Россию "на Северо-Восток", представляет для нашей страны реальную и весьма актуальную угрозу. Причина этой решимости Запада понятна. Инициируемые и активно продвигаемые Россией проекты интеграции на постсоветском пространстве (прежде всего ЕврАзЭС и Таможенный союз) в логике З. Бжезинского предстают попытками

локальной Евразийской империализации, альтернативной универсалистской империализации, воплощенной в проектах *Pax Americana* и Большой Европы, сбои в продвижении которых и обозначили самые яркие к настоящему времени проявления текущего глобального кризиса.

Украина как никакая другая из бывших советских республик (за исключением, быть может, Беларуси) важна для России в качестве "коридора стратегической безопасности". Это обстоятельство дает ей серьезные "бонусы" в отношениях с Европой и активно используется сегодняшней киевской властью. В свою очередь, для Европы, и Запада в целом, Украина, наряду с Турцией, является геополитическим плацдармом, позволяющим, при необходимости, ограничивать возможности экономического и стратегического маневра России на юго-западном направлении. Иными словами, "закрывать" для нее и Ближний Восток, и Юго-Восточную, и Центральную Европу.

Последствия "развода" Украины и России скажутся не только на перспективах развития Таможенного и Евразийского экономического союзов, но и на развитии Китая, который всерьез рассматривал Украину как своеобразный "ключ" к экономическому освоению стран Центральной Азии и Европы. В частности, проект нового "Великого шелкового пути" из Китая в Центральную Азию и в Европу без Украины становится труднореализуемым или, по крайней мере, незавершимым. Поэтому успешное осуществление "майданной революции" дало возможность Соединенным Штатам весьма радикально вмешаться в геоэкономическую ситуацию на просторах Евразии и изменить ее в свою пользу. При этом, однако, все многочисленные разрушительные последствия такого вмешательства, которые бумерангом бьют и по России, и по Европейскому союзу, и по США, сейчас невозможно просчитать. Ясно лишь, что речь может идти не только о глубоком экономическом, социальном и политическом кризисе на территории Украины, не только об углублении противоречий внутри ЕС, но и о практически неизбежной переориентации России и ее политики с Запада на Восток. Тем самым, выигрывая в тактическом плане, США могут проиграть в плане стратегическом.

Что касается постсоветского пространства, то его геополитическая и геоэкономическая реконфигурация уже началась и, как можно полагать, будет происходить в ближайшие годы полным ходом. Независимо от того, останется ли Украина единым государством или, что более вероятно, в итоге распадется на несколько государственных образований, развитие и расширение интеграции на постсоветском пространстве будет происходить одновременно в нескольких форматах. Во-первых, после подписания Грузией, Украиной и Молдовой договора об ассоциации с ЕС эти государства будут интегрироваться с Евросоюзом и отчасти с США; однако эта интеграция будет неорганичной и асимметричной, чреватой глубокими экономическими, социальными и политическими кризисами. Все три страны в экономическом и политическом плане будут подконтрольны более развитым западным государствам, их роль как самостоятельных политических субъектов будет практически нивелирована. При этом ни Украина, ни Грузия, ни Молдова в обозримом будущем не станут полноценными членами ЕС. В то же время они будут использоваться в качестве "подручных средств" при осуществлении антироссийской политики, а их власти будут принуждены к политике русофобии и нагнетания страха перед "ужасной имперской" Россией.

Во-вторых, получит новые импульсы развитие Евразийского союза, в котором будут участвовать Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения (если в последней не произойдет инспирированной извне "цветной революции"), а также, возможно, Таджикистан. Но оно не будет столь динамичным, как этого требует геополитическая ситуация в мире и конкуренция со стороны других интеграционных образований. США и ЕС будут делать все возможное для того, чтобы Евразийский союз, в котором они видят призрак возрождения Советского Союза, не стал полноценным геополитическим и геоэкономическим субъектом. А учитывая известные противоречия между странами, входящими в Евразийский союз, можно с уверенностью предположить, что западные страны будут не только играть на этих противоречиях, но и способствовать возникновению в постсоветских государствах новых "революций" по известным из опыта Украины схемам и технологиям. При этом многое будет зависеть от зрелости этих обществ и их политических элит, от того, извлекут ли они необходимые уроки из украинского кризиса. Объективные условия для развития Евразийского союза не только на постсоветском пространстве, но и на евразийском пространстве (с возможным участием Вьетнама, Турции и даже Индии) существуют, но эти условия еще необходимо использовать, преодолевая как противоречия между постсоветскими элитами, так и активное противодействие евразийской интеграции со стороны западных государств.

Оставшиеся три страны на постсоветском пространстве – Узбекистан, Туркмения и Азербайджан – занимают и в ближайшем будущем, по-видимому, будут занимать промежуточное положение между ЕС, США и Евразийским союзом, колеблясь и балансируя в зависимости от политической и экономической конъюнктуры. Эти страны также не застрахованы от "цветных революций" в случае ухудшения социально-экономической ситуации и обострения внутриполитических конфликтов. Как наглядно показал пример режима В. Януковича, длительное балансирование между разными центрами силы ведет к неустойчивости, дестабилизации основ государственности. Поэтому рано или поздно Азербайджану, Узбекистану и Туркмении также придется делать геополитический и геоэкономический выбор. Вероятная экспансия талибов и других радикальных исламистов на страны Центральной Азии в свете предстоящего формального ухода США из Афганистана и развития событий вокруг ИГИЛ сделает этот выбор еще более драматичным и судьбоносным.

Таким образом, на наших глазах, в эпоху "великих потрясений" происходит геополитическое и геоэкономическое "переформатирование" всего постсоветского пространства. Это "переформатирование", как показывает пример Украины, весьма драматично и сопряжено с огромными человеческими жертвами и политическими издержками. Было бы очевидным упрощением все издержки и жертвы сводить исключительно к дестабилизирующей роли внешних сил, хотя их вклад в дестабилизацию и создание атмосферы хаоса на постсоветском пространстве является весьма значительным. Главными факторами дестабилизации являются отсутствие у многих постсоветских обществ иммунитета к внешнему влиянию, слабость гражданского общества и государства, архаичность политической системы, пронизывающие его социокультурные расколы, несовременность и коррумпированность элит, плохое функционирование институтов, их неспособность поддерживать динамичное социальное развитие. В условиях происходящей глобальной геополитической

перестройки это влечет за собой перманентные кризисы и разрушительные конфликты на всем постсоветском пространстве.

Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности (под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой). 2011. М.: МГИМО-Университет. 248 с.

Голосов Г.В. 2014. Мнение: Почему Кремль продолжает ошибаться на Украине. – *РБК-Политика*. 06.08. Доступ: http://top.rbc.ru/politics/06/08/2014/941256.shtml (проверено: 08.08.2014).

Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? – *Политическая наука*. № 4. С. 8-41.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. 2010. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 26-39.

Корнилов В.В. 2011. *Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта*. Харьков: "Фолио". 603 с.

Лапкин В.В., Пантин В.И., Рябов А.В. 2014. Новая периферия. Трудности посткоммунистического развития. – *Глобальная перестройка (отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова)*. М.: Весь Мир. С. 185-208.

Лэйн Д. 2010. Оранжевая революция: "народная революция" или революционный переворот? – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 31-53.

Межуев Б. 2014. Реплика. Доступ: https://www.facebook.com/mezuev/posts/10204503438571771?fref=nf (проверено: 08.08.2014).

Мелешкина Е.Ю. 2012. *Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография*. М.: ИНИОН РАН. 252 с.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. – *Полис. Политические исследования*. № 2, С. 23-46.

Неменский О.Б. 2012. Украина: многопартийность без гражданского общества. – *Мир и политика*. № 12. С. 38.

Паин Э. 2014. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья. – *Pro et Contra*. № 1-2(62), январь – апрель. С. 34-53.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+. 448 с.

DOI: 10.17976/jpps/2014.05.06

CRISIS OF THE UKRAINIAN STATEHOOD: POLITICAL AND LEGAL, VALUE AND GEOECONOMIC ASPECTS

V.V. Lapkin[1], V.I. Pantin[2]

[1]Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

[2] Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

LAPKIN Vladimir Valentinovich, leading researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, *Polis. Political Studies*, Moscow, Russia. Email: vvlh@politstudies.ru**; PANTIN Vladimir Igorevich, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department of the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Head researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.** Email: v.pantin@mail.ru

Received: 26.06.2014. Accessed: 14.07.2014

Acknowledgments. The study was supported by Russian Fund for Humanities (project № 12-03-00184a "Influence of internal political processes in Russia and Ukraine on the Russian-Ukrainian integration: analysis and forecast").

Abstract. The article focuses on the complex political, legal, sociocultural and geopolitical problems initiated by the political crisis in Ukraine. The authors analyze the historical and socio-political prerequisites and the global context of the Ukrainian crisis. In the light of this crisis, prospects of the geopolitical and geoeconomic reconfiguration of the former Soviet Union are considered. Special attention is paid to the problems of state consolidation, to the dysfunctions of the democratic process, to the efficiency of democratic political institutions. The transformations of the constitutional and legal system and of political regime are analyzed in the context of the current crisis. Risks of state insolvency and possible disintegration of Ukraine, prospects of reestablishment of the state as an option of crisis recovery, destructive practices of the post-revolutionary period, and the role of informal institutes in Ukrainian policy are evaluated. These factors contribute to a rapid growth of cleavages in the Ukrainian society – in many respects because of the ethnic centered nation building policy and of xenophobic mobilization. Comparative analysis of the Ukrainian and Russian experiences post-Soviet transformation of political systems reveals two different variants of interaction and mutual control of oligarchy, bureaucracy and political personalistic regimes. As a result of this interactions two different solutions to the problem of civic nation building in a post-Soviet transformation context emerge. Which of these options may be more successful remains an open question.

Keywords: Ukraine, Russia, European Union, integration, political system, internal political development, political crises, political elite, Euromaidan, legitimacy, geopolitics, oligarchy.

References

Asimmetriya mirovoy sistemy suvereniteta: zony problemnoy gosudarstvennosti (pod red. M.V. Il'ina, I.V. Kudryashovoy). [The asymmetry of the world system of sovereignty: statehood problematic areas (M.V. Ilyin, I.V. Kudrjashova, eds.)]. Moscow: MGIMO-University. 2011. 248 p.

Golosov G.V. Opinion: Why the Kremlin continues to make mistakes in the Ukraine. – RBC-Politics. 06.08.2014. (In Russ.) URL: http://top.rbc.ru/politics/06/08/2014/941256.shtml (accessed: 08.08.2014).

Ilyin M.V. Is a universal typology of states? – *Political Science*. 2008. No. 4. Pp. 8-41. (In Russ.).

Ilyin M.V., Meleshkina E.Yu., Melville A.Yu. The formation of new states: external and internal factors of consolidation. – *Polis. Political Studies*. 2010. No. 3. Pp. 26-39. (In Russ.).

Kornilov V.V. *Donetsko-Krivorozhskaya respublika. Rasstrelyannaya mechta* [Donetsk-Krivoy Rog Republic. Shot dream]. Kharkiv: "Folio". 2011. 603 p.

Lapkin V.V., Pantin V.I., Ryabov A.V. Novaya periferiya. Trudnosti postkommunisticheskogo razvitiya [New peripherals. Difficulties of post-communist development]. – *Global'naya perestroyka (otv. red. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova)* [Global Perestroika (edited by Alexander A. Dynkin, Natalia I. Ivanova, eds.)]. Moscow: VES MIR Publishers, 2014. P. 185-208.

Lane D. The Orange Revolution: "people's revolution" or a coup d'etat? – *Polis. Political Studies*. 2010. No. 2. P. 31-53. (In Russ.).

Mezhuev B. Replika. – *Facebook*. 21.07.2014. (In Russ.). URL: https://www.facebook.com/mezuev/posts/ 10204503438571771?fref=nf (accessed: 08.08.2014).

Meleshkina E.Yu. *Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Yevrope* [The formation of new states in Eastern Europe]. Moscow: INION RAS. 252 p.

Melville A.Yu., Stukal D.K., Myronyuk M.G. 2012. Trajectory of regime transformation and types of stateness. – *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 23-46. (In Russ.)

Nemensky O.B. Ukraine: a multiparty system without civil society. – *World and politics*. 2012. No. 12. P. 38. (In Russ.).

Pain E. Xenophobia and nationalism in the era of Russian stagnation. – *Pro et Contra*. 2014. No. 1-2(62), Pp. 34-53. (In Russ.).

Pantin V.I., Lapkin V.V. *Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: Ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoy polovine XXI veka* [Philosophy historical prediction: Rhythms of the history and prospects of world development in the first half of the XXI century]. Dubna: Phoenix+. 2006. 448 p.